

Л.В. НИКИФОРОВА

**ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ ПАСТОРАЛЬ: АМЕРИКАНСКИЙ
ПАСТОРАЛЬНЫЙ ИДЕАЛ И ЕГО
АРХИТЕКТУРНО-ПРОСТРАНСТВЕННАЯ
РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ**

Для отечественного исследовательского поля сама постановка вопроса о пасторальной теме в архитектуре выглядит непривычной. Тем более если речь идет о современности. На первый взгляд, утверждение, что пастораль может служить вдохновляющим импульсом для образной или конструктивной стороны современной архитектуры и дизайна, требует редуцирования пасторали к глянцевым образам фарфоровых пастушков и пастушек на каминной полке, к рокайльной стилистике интерьера, «выдержанного в тонах спелой сливы», как сообщает рекламный текст. Либо сведения сложной и многослойной пасторальной топики к предельно общим представлениям о ценности жизни на лоне природы, что стимулирует заказ на частные особняки, малоэтажную коттеджную застройку и рождает в ответ архитектурные проекты в духе рафинированной сельской простоты.

Между тем постановка вопроса об архитектурно-пространственной репрезентации пасторального идеала в XX – начале XXI в. отсылает нас к конкретной научной традиции – к современной американской гуманитаристике, к исследованиям, реконструирующим процесс формирования национальной идеи и «американской мечты». В предлагаемой статье хотелось бы охарактеризовать проблемное поле этих исследований и ту роль, которая отводится

в них пасторальному идеалу в концептуализации архитектурных или градостроительных тенденций современности, в анализе спроецированных на них цивилизационных процессов.

Открытие феномена нации как «воображаемого сообщества», произошедшее во второй половине XX в., сопровождалось интересом к процедурам конституирования национального в художественных, публицистических, философских текстах, к тем дискурсивным, символическим, семиотическим практикам, в которых оформлялись идеи и образы, обеспечивающие воспроизводство очевидностей в отношении национальной самобытности. Тексты теперь рассматриваются не столько в аспекте отражения тех или иных идей, сколько как источник этих идей, как пространство их функционирования. С позиций проблематизации национального произошла переоценка роли писателей, философов, историков, журналистов. Э. Хобсбоум, один из ведущих представителей новой концепции нации, писал: «Историки для национализма – это то же самое, что сеятели мака в Пакистане для потребителей героина. Мы обеспечиваем рынок важным сырьем... Прошлое и есть то, что создает нацию; именно прошлое нации оправдывает ее в глазах других, а историки – это люди, которые “производят” прошлое»¹.

Среди исследований 1950–1970-х годов, в которых на материале анализа литературных текстов XIX–XX вв. анализируется процесс становления идеологии процветания и успеха, как специфически американского национальный дискурса², особое место занимает исследование Лео Маркса «Машина в саду: Технология и пасторальный идеал в Америке»³. К ней в обязательном порядке апеллируют авторы, исследующие архитектурно-ландшафтные репрезентации пасторального идеала. Книга Лео Маркса посвяще-

¹ Хобсбоум Э. Принцип этнической принадлежности и национализм в современной Европе // Нации и национализм / Ред. Б. Андерсон и др. – М.: Праксис, 2002. – С. 332.

² Lewis R.W.B. The American Adam: Innocence, tragedy and tradition in the Nineteenth Century. – Chicago, 1955; Raymond M. Olderman Beyond the Waste Land: A Study of the American Novel in the Nineteen Sixties. – New Haven; L., 1972; May J.R. Toward a New Earth: Apocalypse in the American novel. – Notre Dame, 1972.

³ Marx L. The machine in the Garden: Technology and the pastoral ideal in America. – N.-Y.: Oxford univ. press, 1964.

на анализу символической образности американской литературы XIX в. Главной тенденцией, которая объединяет разные по жанрам и по задачам литературные произведения, Лео Маркс считает тему внезапного вторжения индустриального в дикий природный ландшафт. Основной конфликт эпохи, с которым имеет дело литература, – противоречие между свободной и безмятежной жизнью на лоне природы и репрессивностью промышленной цивилизации. Именно эта тема составляет нерв произведений Марка Твена, Германа Мелвилла, Натаниэля Готторна. Среди эпизодов, которые в таком ключе интерпретирует Л. Маркс, – плавание на плоту Гекльбери Финна и беглого раба Джимми из 16-й главы романа М. Твена «Приключения Тома Сойера и Гекльбери Финна». В темноте прямо в их плот с треском вламывается огнедышащий пароход, Гек едва успевает поднырнуть под колесо и спастись, но Джимми он уже не находит. Не без влияния Л. Маркса Родерик Нэш, исследуя историю идеи «дикой природы», изменение критериев «дикости», открытие особой культурной ценности природы американского континента, показал, что образы столкновения дикой природы с цивилизацией составляют «аксиоматический» слой американской художественной традиции XIX в., свойственны в равной мере и литературе, и изобразительному искусству¹.

Лео Маркс, исследуя становление «американской мечты», полагает, что литература не только обнажила конфликт природы и машины, но и «настроила» на поиски компромисса между счастьем на лоне дикой природы и властью технического прогресса. Литература ответственна и за открытие дикой природы Америки как национального достояния, и за символизацию технического объекта, наделение его метафизическими и потестарными характеристиками². Введенное им понятие «риторика технологического возвышенного» используют специалисты по философии техники. Для анализа пространственных репрезентаций пасторального идеала не

¹ Нэш Р. Дикая природа и американский разум. – Киев: КЭКЦ, 2002. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Nash/04.php (5.03.2011)

² Поиски того, кто первый задал ту или иную тему, в этом ракурсе исследования не существенны. Важны сама интенсивность темы столкновения природы и индустрии в американской литературе и доступность ее широкому читателю, что и работает на воспроизводство очевидностей.

менее важным оказалось введенное Л. Марксом понятие «средний ландшафт» («middle landscape»), той самой машины в саду. Средний ландшафт, сочетающий в себе естественность дикой природы и следы или артефакты цивилизационной деятельности человека, стал, по мнению Л. Маркса, новой «специфически американской постромантической индустриальной версией пасторали»¹.

Сама по себе тема столкновения природы и цивилизации вряд ли является монополией американской литературы, однако артикуляция найденного компромисса как воплощения пасторального идеала свойственна, прежде всего, американской социально-философской мысли второй половины XX – начала XXI в. Для XIX в., когда «открывались» черты американского национального характера и кристаллизовалась формула американской мечты, пасторальный компонент этого процесса не был предметом специального анализа. Он составлял область «естественных» (само собой разумеющихся) художественных навыков, с помощью которых создавались различные варианты образов «машины в саду». Тем самым современной является сама постановка вопроса о роли пасторальной традиции в артикуляции идей национальной самобытности. Проблема же интерпретации архитектурного и ландшафтного творчества XX–XXI вв. в аспекте пасторальности прямо проистекает из нее.

Для функционирования пасторальной версии национального дискурса важны еще и процесс переосмысления пасторали, происходящий во второй половине XX в., открытие философской нагруженности жанра, его библейских и мифологических корней, осмысление особой роли пасторали в культурно-антропологической истории Нового времени, в процессах «открытия мира и человека». Этот процесс разворачивается в академической среде разных стран. Однако, пожалуй, только в США пасторальная традиция осмыслена как ключевая для национального дискурса XIX в., для той совокупности значимых образов, которые и по сей день задают модели национальной идентичности.

Значимость пасторальности для американской культуры связана с жанровыми традициями новоевропейской пасторали, усвоен-

¹ Marx L. The machine in the garden: Technology and the pastoral ideal in America. – 2 ed. – Oxford, 2000. – P. 32.

ными американскими писателями в качестве литературной школы. Считается, что в этом процессе оказался переосмыслен экзотический для европейской пасторали мотив наделения американского континента чертами пасторального локуса, Аркадии, а в версии протестантских переселенцев – Эдема. Эпоха Великих географических открытий (the age of discovery) становилась в рецепции американского XIX в. пасторальной эпохой (the age of pastoral). Для функционирования пасторальной топики в американской литературе XIX в. – это практически «общее место». Смысл пасторальности как пасторства в версии «мирской аскезы» и ее особой миссионерской задачи был воплощен в жизненном опыте первых поселенцев и в жизненной и литературной практике Генри Торо, роль которого в формировании национального дискурса оценивается чрезвычайно высоко. Пастушеский идеал простой и честной жизни ковбоя был воспет литературой XIX в. как исток национального характера.

Свершавшееся в литературе осознание сущности национального было связано с поиском исторической судьбы государства, с вычленением важнейших личностных характеристик (национального характера), обеспечивающих исполнение этой миссии. Для европейской и российской литературной традиции с пасторалью эта тема связана не слишком явно. И хотя репрезентации государственного процветания в XVIII в. опирались на пасторальную топику в традиции оды или в практике придворных праздников, однако с национальным идеалом этот момент как-то никогда не связывался. Истоки же американского дискурса самобытности американские исследователи теснейшим образом связывают с топикой пасторали, которая послужила проводником к открытию дикой природы Нового Света как «источника национальной гордости, культурного и морального ресурса» национального самосознания¹. Л. Маркс полагал, что американский идеал процветания – успех, богатство и власть («productivity, wealth and power») – был своеобразной трансформацией пасторального идеала².

¹ *Нэш Р.* Дикая природа и американский разум. – Киев: КЭКЦ, 2002 – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Nash/04.php (5.03.2011)

² *Marx L.* The machine in the garden: Technology and the pastoral ideal in America. – 2 ed. – Oxford, 2000. – P. 226.

Предложенный Лео Марксом образ «машины в саду» задал концептуальные основания для переосмысления тенденций архитектурного творчества конца XIX – начала XXI в. как реализации американской версии пасторального идеала в реальном пространстве. Прямым архитектурным аналогом образа «машины в саду» считается знаменитый дом над водопадом Ф.Л. Райта¹. Хрестоматийная интерпретация этого произведения как «искусства, с которым создание современной технологии введено в романтический пейзаж»², превращается из перспективы исследования Лео Маркса в репрезентацию национальной идеи. Но творчеством Райта дело не ограничивается.

Отталкиваясь от идеи Лео Маркса, который в своей книге сосредоточился на XIX в., другие исследователи экстраполировали ее на США XX столетия. «Современная пастораль не обязательно возвращает нас к пастухам, маленьким хижинам и возделанным участкам земли, пасторальный идеал включает идею возвращения в деревню в духе благородной простоты, мудрости и естественности. Современная пастораль – это рекреационные зоны, современные городские предместья, планировка университетских кампусов, архитектурный стиль Фрэнка Ллойда Райта <...> а также Левитаун в Пенсильвании, где в 1950 г. компанией «Livitt and Suns Inc» был создан пригородный микрорайон, составной частью проекта было сохранение 250 акров лесонасаждений для отдыха, а в городе было высажено 48 000 фруктовых деревьев»³. Все это описывается как средний ландшафт, занимающий важное место в культурном опыте американцев XX в.

Можно разделить «средний ландшафт», как предложил Говард Сигал, на три категории, соответствующие различным срезам пасторального идеала. Во-первых, это городской «средний ландшафт», по своему облику и местоположению промежуточный между мегаполисом и окрестностями, связанный с идеей безмятежности и покоя, комфортного существования на лоне природы; во-

¹ Torben Huus Larsen *Enduring pastoral: Recycling the Middle Landscape ideal in the Tennessee Valley*. – Amsterdam; N-Y, 2010. – P. 14.

² Иконников А.В. *Архитектура США*. – М., 1979. – С. 88.

³ Torben Huus Larsen *Enduring pastoral: Recycling the Middle landscape ideal in the Tennessee Valley*. – Amsterdam; N-Y, 2010. – P. 14.

вторых, урбанизированные пригороды, возникновение которых мотивировано не просто желанием покинуть город, но разочарованием в городской цивилизации, ностальгией по «естественности» сельской жизни; наконец, так называемый региональный «средний ландшафт», формирующийся в результате усилий по сохранению природной среды и актуализирующий идею гармоничного сосуществования человека и природы¹.

Следует заметить, что приведенные выше примеры современной пасторальности в той или иной степени связаны с идеями города-сада, разрабатывавшимися в конце XIX – первой трети XX в. Город-сад был ответом на целый комплекс проблем бурной модернизации и урбанизации, попыткой поместить городское комфортное жилище в сельскую природу². Города-сады предполагали не только новый принцип пространственной организации, но и новый тип социальных отношений, т.е. представляли собой столько же архитектурное, сколько и социальное проектирование³. Эта идея не получила широкого распространения, прежде всего из-за социальной составляющей. Если в советском варианте городов-садов оказался неприемлем принцип автономного сообщества, коллективно владеющего землей и недвижимостью, и города-сады сменили соцгорода с градообразующими промышленными предприятиями⁴, то в Европе и Америке города-сады быстро преврати-

¹ *Segal Howard P.* Leo Marx's Middle landscape: A critique, a revision, and an appreciation // *Review in American History*. – Baltimore, 1977. – 5 (1). – P. 137–150.

² *Шорбан Е.* От заводского барака к городу-саду: Деревянное жилище в индустриальную эпоху // *Проект Россия*. – 2004, № 3 (33). – С. 113–116; *Панутов Л.Б.* К истории городов-садов в Англии и России // *Градостроительное искусство. Новые материалы и исследования* / Под ред. И.А. Бондаренко. – М., 2007. – Вып. 1.: Памяти Т.Ф. Саваренской. – С. 401–406.

³ Слово «community», ключевое для концепции городов-садов, на русский переводят то как микрорайон, то как сообщество. В одном случае теряется социальная составляющая, вкладываемая в градостроительное проектирование, в другом – пространственная организация социальной идиллии. В английском языке оба смысла благодаря разным версиям города-сада оказались теснейшим образом связаны.

⁴ *Мирович М.Г.* Градостроительная политика Советского государства 1917–1930-е гг. (от города-сада к соцгороду) // *Градостроительное искусство. Новые материалы и исследования* / Под ред. И.А. Бондаренко. – М., 2007. – Вып. 1.: Памяти Т.Ф. Саваренской. – С. 420–435.

лись в спальные районы индустриальных мегаполисов, а желаемая социальная идиллия была нарушена жестокой реальностью.

Во всех промышленных странах XX в. есть собственный опыт возведения городов-садов, есть и различные современные формы возвращения к этой традиции, активизировавшиеся сегодня в контексте процессов «глокализации». Между тем последовательное рассмотрение этого опыта как воплощения пасторального, а не какого-то иного, идеала связано исключительно с США.

В 2010 г. вышло из печати исследование Т. Ларсена, рассматривающего различные способы преобразования реального пространства на основе пасторального идеала: национальные природные парки, парки развлечений, фермерские хозяйства и богатые усадьбы¹. Ларсен показывает, что ряд стратегий преобразования ландшафта подразумевал вполне осознанную апелляцию к пасторальному идеалу в его американской версии «машины в саду». Ларсен сосредоточен только на одном регионе США – долине реки Теннесси, но он продолжает уже сложившуюся тенденцию анализа пасторального содержания в реальных практиках, а характер оценок и выводов вполне может быть распространен на США в целом.

Истоки пасторального подхода к реальному ландшафту Ларсен отсчитывает от второй половины XIX в., когда оказались намечены две тенденции пасторализации пространства. Он называет их неумышленной, естественной (*unintended*) и умышленной, спланированной (*designed*) пасторализацией². Первая тенденция «естественной» (неумышленный) пасторализации пространства есть продукт преимущественно литературного творчества. Это литературная эстетизация разнообразных «машин в саду» – от маленьких ферм старой Англии с мельницами и винокурнями до панорамы Нью-Йорка, в которой земля, небо и прямолинейные контуры хаотично поставленных домов составляют целостный поэтический образ³. Такая поэтизация проложила путь «умышленной» пасторализации, которую Ларсен называет «механизированной пастора-

¹ Torben Huus Larsen *Enduring pastoral: Recycling the Middle landscape ideal in the Tennessee Valley*. – Amsterdam; N.-Y., 2010. – 212 p.

² Там же. – P. 15.

³ Подробнее о поэтизации «middle landscape» см.: Nye David E. *American technological sublime*. – Cambridge, MA: MIT Press, 1994.

лью» (*mechanized pastoral*), – это образ инженерно освоенного и благоустроенного ландшафта. Ларсен специально подчеркивает роль литературной поэтизации пространства (отдельных мест, ставших литературными образами, или общего пасторального локуса) для тех или иных конкретных ландшафтных преобразований.

Mechanized pastoral в версии гармонического сосуществования природы и культуры может быть уголком дикой природы, снабженным удобными дорогами, подъемниками, смотровыми площадками, с которых открываются прекрасные виды, с ограждениями на опасных местах. Такие места благодаря инженерному искусству в реальности становятся безопасны, сохраняя между тем иллюзию дикости. Ранним примером такой «механизированной пасторали» Ларсен считает Ниагарский водопад, который уже с 1860-х годов стал популярным туристическим объектом. Здесь важна не только эстетизация природы, но и сама, возникающая благодаря благоустройству, иллюзорность дикости, естественности, свойственная классической пасторали. От Ниагарского водопада начинается традиция национальных природных парков – важнейшего пласта национального наследия США. Движение за организацию национальных природных парков и создание в 1916 г. специальной службы «National Park Service» было непосредственно связано с транспортной индустриализацией Америки, с созданием сети железных дорог, занятых не только перевозкой грузов и пассажиров, но и продвижением ландшафтного туризма. «Увидь первозданную Америку» – таков был лозунг (слоган) Северных железных дорог еще в 1906 г.¹

Другой версией ранней «умышленной пасторализации», воплощающей ностальгический идеал пасторали, становятся музеи под открытым небом, представляющие целостный ландшафт городка, деревни, фермерского хозяйства прединдустриальной эпохи. И хотя не США были родиной таких музеев, – первым open-air музеем, сохранявшим оазис патриархальной старины в эпоху промышленной урбанизации, был шведский Скансен – именно на американском континенте такой тип ностальгических музеев стал последовательной традицией и собственно национальной версией

¹ Torben Huus Larsen *Enduring pastoral: Recycling the Middle landscape ideal in the Tennessee Valley*. – Amsterdam; N.-Y., 2010. – P. 35.

краеведческого музея. В отличие от Скансена в американских музеях прединдустриальное прошлое и индустриальное будущее оказались прочно связаны между собой. Американские open-air музеи – это не просто оазисы старины, но зерна индустриального рывка: «Greenfield Village» с хижинкой, где прошло детство автомобильного магната Генри Форда, и сарайчиком, где он изобретал свои первые механизмы; винокурня в Линчбурге, где делал первые шаги Джек Дэниэл, король американского виски.

Третьей, ранней стратегией преобразования пространства в middle landscape, – в место безмятежного и комфортного существования на лоне природы – Ларсен считает усадьбу Билтмор Джорджа Вашингтона Вандербилта. Центральный дом усадьбы Билтмор (1890), выстроенный в духе французских ренессансных дворцов, известен российскому читателю по исследованиям архитектуры историзма, где этот памятник представляется как замок Луары, увеличенный до масштабов Лувра, как «поражающий пример архитектуры миллионерского великолепия»¹. Осмысление его как пасторального должно было бы вызвать у отечественного читателя как минимум удивление. Эффект пасторальности Ларсен связывает с несколькими обстоятельствами. Во-первых, огромная и роскошная усадьба была устроена в тогда еще малоосвоенной (дикой) местности и тем самым решительно преобразила ее. Вокруг роскошного дворца раскинулся пасторальный пейзаж – поля, фруктовые сады, маленькие фермы, лесопилни, винокурни, мастерские, в том числе была устроена деревня в духе первых американских поселенцев. Модель европейского (французского) дворцово-паркового ансамбля с большим дворцом и спрятанными в парке Гротом, Эрмитажем, Шале и т.п. была трансформирована в духе национальной истории. В отличие от Национального парка – незаметного инженерного благоустройства дикой природы – здесь произошло ее полное преобразование. Открывающийся из усадьбы вид на Дымящиеся горы был формой поэтизации и эстетизации этого природного объекта, что и послужило поводом к созданию в 1930-е годы Национального парка «Great Smokies Mountains». Усадьба Билтмор стала, по словам Ларсена, «грандиозным эстети-

¹ Иконников А.В. Архитектура историзма. – СПб.: Стройиздат, 1997. – С. 240.

ческим экспериментом по примирению природы и культуры, дикости и цивилизации»¹.

Ларсен анализирует различные виды репрезентации пасторального идеала в XX в. в духе теории симулякров Ж. Бодрийяра. Приведенные выше примеры, характеризующие три направления умышленной пасторализации, описаны Ларсеном как порядок копии, подделки, когда копия еще не утратила связи с оригиналом. В каждом случае изменяется конкретный уникальный уголок природы, что требует каждый раз особых способов работы с ландшафтом. Однако в результате он перестает быть самим собой, превращаясь в собственную идеализированную в духе пасторали копию.

Фаза массового и серийного производства копий пасторальности, благодаря чему копия начинает существовать без отсылки к оригиналу, приходится, по Ларсену, на 1930–1940-е годы и раскрывается в анализе масштабного проекта регионального развития под руководством управляющей компании «TVA» (Tennessee Valley Authority). Этот проект хорошо известен современным специалистам по управлению как образ развития депрессивного региона. С «TVA» связывают и рождение философии устойчивого развития, которая составляет «интегральную часть корпоративной идентичности» и играет значительную роль в публичном имидже компании. Устойчивое развитие подразумевает не собственно защиту природы и принцип невмешательства в нее, а, напротив, использование природных ресурсов, направляемое философией *sustained yield* (букв. «устойчивое плодоношение, урожайность»)². Опыт «TVA» известен специалистам по менеджменту и связям с общественностью как один из первых и успешных примеров создания корпоративной идеологии и даже корпоративного мифа, обеспечившего компании процветание. И сегодня организационная культура «TVA» является образцом для подражания. Корпоративный миф «TVA», пишет современный исследователь, основан на прошлом: «Организационная культура несет историю своего прошлого героизма. Память о прошлых свершениях – это движу-

¹ Torben Huus Larsen *Enduring pastoral: Recycling the Middle landscape ideal in the Tennessee Valley*. – Amsterdam; N.-Y., 2010. – P. 41.

² Там же. – P. 63–64.

щая сила, толкающая корпорацию к новым свершениям и новой славе»¹.

Согласно Т. Ларсену, залогом успеха корпоративной идеологии «TVA» стала апелляция к американскому пасторальному идеалу. В 1930-е это был первый проект регионального развития в рамках «нового курса» президента Рузвельта. Цель его заключалась в индустриализации отсталого аграрного района на юге страны с эрозированными почвами, истощенными хлопковыми плантациями, без железных дорог и судоходных рек, с низким уровнем жизни населения, до 50% которого составляли чернокожие рабы. В результате были построены дамбы и электростанции (а после войны – теплоэлектростанции и АЭС), крупные заводы, вместо прежних хозяйств, основанных на ручном труде, были созданы механизированные фермерские хозяйства, возникли новые городские поселения (в том числе экспериментальный город-сад Норрис), создана инфраструктура. При чем же здесь пасторальный идеал? Одной из задач кампании была демонстрация успехов «нового курса», адресованная и жителям региона, и всей Америке. Шел поиск образов, легенд, метафор, идей, которые позволили бы населению примириться с быстрыми и решительными переменами, а всей Америке и миру удостовериться в эффективности не только «нового курса», но и системы в целом – проект должен был противопоставить советской индустриализации иную модель процветания. Идеология кампании действительно составляла особую сферу деятельности, ее разрабатывали видные эксперты и аналитики, в том числе Л. Мамфорд, написавший впоследствии знаменитую книгу «Миф машины».

Основой изобретенного корпоративного мифа стала идеология возвращения в пастораль. Ларсен характеризует механизм идеологического творчества следующим образом: идеология кампании была рождена эпохой Великой депрессии, важнейшей составляющей которой была критика современного общества как общества отчуждения. Идеология кампании противопоставила

¹ Erwin C. Hargrove: *Prisoners of myth: The Leadership of the Tennessee Valley Authority, 1933–1990*. – Princeton: Princeton Univ. Press, 1994. – P. 3.

этой критике «восстановление пасторального нарратива»¹, включив образы американского прошлого в модернизированное будущее, воспев образ превращения ландшафта из враждебного в приветливый и дружелюбный.

Миссия кампании формулировалась как создание современного общества, живущего в гармонии с природой. Многослойный и хорошо срежиссированный PR строился вокруг пасторального преобразования ландшафта. Газеты печатали постановочные фотографии: приветливые фермы, зеленые пастбища, плодородная пахотная земля, тучные стада и на этом фоне счастливые фермеры. Дело не только в рекламе: здесь действительно зазеленели пастбища и заколосились нивы, а долина Теннесси стала, между прочим, крупнейшим в США центром выращивания кукурузы. Индустриальные способы восстановления почв и борьба с эрозией, пишет Ларсен, не только улучшали урожаи, но и создавали новое эстетическое (пасторальное) качество пейзажа. В реальности это не было возвращением пасторального ландшафта, такого в здешних выжженных солнцем местах, судя по всему, никогда не существовало. Это было изменение ландшафта с помощью индустриальных технологий, он стал пасторальным благодаря «машине в саду». Возник эффект двойной иллюзии – индустриальным (массовым) способом создавалась новая, никогда не существовавшая прежде, пасторализованная реальность.

Ларсен сосредоточил свой анализ пасторального на долине Теннесси. Другие исследователи, пусть и не обращаясь к идее симулякров и симуляции, исследуют сходный опыт пасторальности, «сельскости» в рамках индустриальной цивилизации. Говард Сигал посвятил подробное исследование эксперименту Генри Форда по созданию «деревенской промышленности» («Village Industries»)². Основанный Генри Фордом завод в Детройте стал эмблемой «цивилизации фабричных труб» (Э. Тоффлер), превращавшей человека в придаток машины. Между тем в годы Великой депрессии Форд осуществил прямо противоположный проект, рассредоточив

¹ Torben Huus Larsen *Enduring pastoral: Recycling the Middle landscape ideal in the Tennessee Valley*. – Amsterdam; N.-Y., 2010. – P. 116.

² Howard P. Sigal. *Recasting The Machine Age: Henry Ford's village industries*. – Massachusetts, 2008.

производство автомобилей по 19 небольшим заводам, расположенным в сельской местности в радиусе 60 миль от штаб-квартиры в Дирборне. Каждый из заводов производил один или несколько узлов автомобиля, т.е. был даже не машиной, а цехом в саду, при этом рабочие были частично заняты фермерством. Как пишет Сигал, все 19 «сельских заводов» Форда помогли своим сообществам (community) выжить в годы Великой депрессии. Этот эксперимент, потребовавший значительных капиталовложений, был нацелен не только на технологическую и экономическую, но и социальную задачу. Децентрализация рабочего коллектива препятствовала формированию больших профсоюзных объединений – это так называемая модель «union busting» (разрушение профсоюза). Пролетариату, которому нечего терять, была противопоставлена модель работника, живущего в гармонии с природой, однородной безбрежной массе рабочих – небольшое сообщество (community).

Еще одним примером массовой пасторализации пространства считается образ городских предместий, левитаунов, изменивших американский урбанизированный ландшафт в 1950–1960-е годы. Левитауны – небольшие городки, застроенные по единому типовому плану небольшими стандартными односемейными домиками общей площадью около 70 кв. м. Домики были снабжены современной домашней техникой и имели небольшой участок. Строительство левитаунов шло стремительно – по принципу сборочного конвейера из предварительно заготовленных элементов; бригады рабочих специализировались на определенных операциях и переходили с объекта на объект. Левитауны – американский вариант индустриального массового жилого строительства, синхронный советским малосемейкам («хрущёвкам»), и во многом близкий идее комплексного микрорайона с заранее созданной инфраструктурой. Но в отличие от советского индустриального жилого строительства и идеологии ускоренной урбанизации, левитауны воплощали идею бегства из города-монстра в собственный садик. Название (Levittown) произошло от имени владельца компании Уильяма Левита, главы строительной корпорации, и стало нарицательным не только для городских урбанизированных предместий,

но и в целом для американских 1960-х¹. Левитаун – это дешевый комфорт и идеал «среднего класса», расовые проблемы и движение за гражданские права. Левитауны предполагали не только социальную однородность жителей городка, но и расовую сегрегацию – они предназначались для заселения только белыми².

Специфической приметой буколического облика левитаунов, в отличие от различных версий городов-садов 1920–1930-х годов стала принципиальная внеархитектурность (безыскусность) облика, которая явилась вскоре объектом беспощадной критики. Известен исторический анекдот о том, как однажды Фрэнк Ллойд Райт иронически отозвался об архитектурном облике домов, возводимых компанией. В ответ Левит попросил Райта предложить свой вариант домика площадью 70 кв. м. Райт, как свойственно великим, тут же набросал эскиз на салфетке. «Сколько же будет стоить такой домик?» – поинтересовался Левит. «Около 40 тысяч долларов», – ответил Райт. «А наши дома стоят не дороже 8000!»

Порядок симулятивной гиперреальности пасторального идеала разворачивается, по Ларсену, в эпоху консьюмеризма (1960–1980-е) и представлен парками развлечений и туристическими аттракционами, в которых образы прединдустриальной патриархальной Америки, детства в хижине, ностальгических воспоминаний о простых началах славных дел фрагментируются, перекombинируются, коммерциализируются, полностью отрываясь и от оригинала и от контекста. Так, старинная железнодорожная станция в Чаттануге превратилась в отель и ресторанный комплекс³, так возник город-аттракцион – колониальный Вильямсбург. Начиная с 1950-х годов многие прежние open-air музеи превратились в туристические аттракционы. Таковы, скажем, Линчбург и Гринфильд, «этносити» Сольванг, возникновение которых было связано с ранними формами ностальгии по доиндуст-

¹ Harris D. Second suburb: Levittown, Pennsylvania (Culture Politics & The Built Environment). – Pittsburgh, 2010.

² Kushner D. Levittown: Two Families, One Tycoon, and Fight for Civil Rights in America's Legendary Suburb. – N.Y., 2009.

³ Torben Huus Larsen Enduring pastoral: Recycling the Middle landscape ideal in the Tennessee Valley. – Amsterdam; N.-Y., 2010. – P. 152–160.

риальному, а теперь стало основой бренда самобытности малого города и превращения его в туристический объект.

Эмблемой пасторальной гиперреальности долины Теннесси служит Ларсену Долливуд – парк развлечений, созданный как альтернатива Диснейленду со слоганом «Ты не получаешь подлинности у Диснея!» Владелицей или совладелицей Долливуда является исполнительница кантри Долли Партон – образы детства американской звезды в предгорьях Smokies Mountains были использованы в качестве сюжетной основы парка аттракционов, стали успешной коммерческой и конкурентной стратегией. В парке есть и суперсовременные аттракционы, но расположены они в пейзажном парке, а между ними разбросаны «образы южноамериканской истории и культуры»: старинные технологии, ремесла, старинный поезд, мельница, винокурня, хижины, и в том числе копия детского домика (буквально крытая соломой бревенчатая хижина), в котором прошло детство Долли. А над всем этим звучит музыка кантри. Парк предлагает посетителям («продает» – пишет Ларсен) идеализированную версию «настоящего прошлого», главным коммерческим «объектом» в нем является приятное ностальгическое переживание локальной идентичности. Как пишет Ларсен, смешение маркетинговой стратегии и идентичности community сделали возможным обнаружить грань между подлинным и неподлинным. Долливуд или «Jase Daniel experience» (т.е. туристический Линчбург) – это символ фальши, обмана и самообмана¹.

Однако основная идея книги Ларсена, которая представляет наиболее концептуальным исследованием репрезентации пасторальности в реальном ландшафте Америки, заключается не в критике симулятивного характера пасторального идеала, а в описании особого культурного опыта, который является частью индустриальной цивилизации. Генри Сигал в своем исследовании, посвященном «Village Industries», также отмечал, что интерес к социально-технологическому эксперименту Форда, как и обращение к другим примерам индустриальной реализации пасторального идеала в индустриальную эпоху, продиктован современной проблематикой постиндустриального, идеей децентрализации, демас-

¹ Torben Huus Larsen *Enduring pastoral: Recycling the Middle landscape ideal in the Tennessee Valley*. – Amsterdam; N.-Y., 2010. – P. 164.

совизации на основе высоких технологий. Желание написать предысторию постиндустриального связана с переосмыслением клишированного образа индустриальной цивилизации как «цивилизации фабричных труб», как эпохи урбанизации, массовизации, стандартизации, централизации. Вооружившись новым пониманием пасторали и сосредоточившись на ревизии опыта индустриальной культуры, американские исследователи открыли в индустриальной эпохе мощную и масштабную тенденцию, которая является, по их мнению, истоком постиндустриального.

Современный архитектурный ландшафт также теснейшим образом связан с пасторальным идеалом, который рассматривается как альтернатива «глобальному транснациональному городу», созданному проектами Н. Фостера, С. Калатравы, Ф. Джонса¹.

В дискуссиях об американском «среднем ландшафте», которые начались в 1990-е, были артикулированы черты постиндустриальной пасторали, вобравшей в себя все многообразие «пригородной Америки». Окидывая взглядом пасторальные репрезентации XX в., Питер Роу приходит к выводу, что противопоставление сложности городского организма и простоты пригорода или деревни является упрощением, утратившим смысл. В реальности «пригородная Америка» или американский «средний ландшафт» (предместья, малые города, национальные парки и парки развлечений, связывающие их разветвленные транспортные магистрали с необходимой инфраструктурой, взаимосвязи «среднего ландшафта» и города) становятся все сложнее и по своей многослойности, многомерности способны соперничать с мегаполисом².

Топика современного пасторального ландшафта представлена у П. Роу четырьмя основными «местами» – это дом с садом, торговый центр, заменивший современному человеку поле, огород и фруктовый сад, современное рабочее место в офисном парке (бизнес-центр, расположенный за пределами города) и, конечно, дороги, которые все это связывают. Когда исследователи пишут о

¹ Добрицына И.А. Транснациональный капитализм и архитектура глобального города // Архитектура и строительство Москвы. – М., 2010. – № 3 (551). – С. 11–20.

² Rowe Peter G. Making a Middle Landscape. – Cambridge, MA: MIT Press, 1991.

современной пасторали и о высоких технологиях создания нового типа «среднего ландшафта», речь идет не только о машинах, механизмах и микросхемах, но и о технологиях воздействия mass-media, транслирующих пасторальный миф. Эта современная постиндустриальная Аркадия раскинулась на просторах всей Америки. В современном мире, который, как известно, характеризуется стремительным темпом перемен и шквальным ростом инноваций, именно пастораль – *modern pastoral* – образует архипелаг покоя, стабильности, размеренности и привычности существования.

Хотелось бы еще раз вернуться к современности пасторального дискурса, в котором идет переосмысление опыта индустриальной культуры и постиндустриальных перспектив. Для Генри Форда, компании «TVA», Долли Партон и других героев пасторального мифа обращение к пасторальности носило окказиональный характер. Более того, они сами не всегда идентифицировали бы свои усилия как пасторальные репрезентации. Анализ особого слоя культурного опыта индустриальной эпохи, осознание его целостности, связанности и определение как пасторального – открытие сегодняшнего дня. В нем нельзя не увидеть свершающуюся на наших глазах ревизию национальной идеи, национального духа, национального характера. Это новый и очень мощный этап тематизации национального, сравнимый по интенсивности, вероятно, только с XIX столетием и рожденный в ответ на вызовы концепции нации как «воображаемого сообщества». Вместо поставленных под сомнение прежних очевидностей национального характера Америка, усилиями своей интеллектуальной элиты, обретает пасторальность в качестве ментальных оснований культуры. История градостроительных и ландшафтных репрезентаций пасторального идеала демонстрирует его прочность, укорененность и материальную убедительность.